

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

MONGOLICA

Памяти академика
Бориса Яковлевича
ВЛАДИМИРЦОВА
1884 – 1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1986

Редакционная коллегия

А. Н. КОНОНОВ (председатель), Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ,
С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, Е. И. КЫЧАНОВ, А. Г. САЗЫКИН,
В. М. СОЛНЦЕВ

В сборнике, посвященном памяти выдающегося советского ученого-монголоведа Б. Я. Владимирцова, представлены статьи, тематически связанные с кругом важнейших проблем монголистики, исследованием которых занимался Б. Я. Владимирцов. В статьях рассматриваются вопросы языкознания, литературоведения, филологии, истории, письменного наследия монгольских народов.

М $\frac{1402000000-164}{013(02)-86}$ 61-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

М. Н. Орловская

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ
МОНГОЛЬСКОГО ПИСЬМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Появление монгольской письменности, зафиксировавшей монгольский литературный язык, относится к концу XII — началу XIII в., причем до сих пор не установлено, какое монгольское племя и при каких обстоятельствах ввело у себя письменность на основе уйгурского алфавита.

Я. Шмидт [Schmidt, 1833, с. 243—256], А. М. Позднеев [Позднеев, 1897, с. 50], Б. Я. Владимирцов [Владимирцов, 1929, с. 19], а позже и другие исследователи [Санжеев, 1953, с. 15; Санжеев, 1960, с. 9—10; Шастина, 1957, с. 196] считали, что это могли быть найманы или керейты, наиболее культурные из монгольских племен, жившие в ту пору по соседству с уйгурами. Б. Я. Владимирцов, будучи убежден в монгольском происхождении найманов и керейтов, предполагал, что, «по-видимому, монгольский письменный язык возник именно у этих монгольских племен до эпохи Чингис-хана» и что «Чингис-хан ввел для нужд своей державы уже готовый литературный язык, язык достаточно фиксированный, изображавшийся при помощи уйгурских букв» [Владимирцов, 1929, с. 19—20].

В качестве доказательства найманского происхождения монгольской письменности обычно приводится широко известное историческое предание о том, что в 1204 г. Чингис-хан, одержав победу над найманами, захватил в плен уйгура по имени Та-та-тонга, служившего «канцлером» у найманского Даян-хана. С помощью этого «канцлера» и была будто бы введена Чингис-ханом письменность на уйгурской основе.

Эта версия нашла поддержку среди монголоведов [Санжеев, 1953, с. 14—15; Haenisch, 1948, с. 183; Порре, 1951, с. 57]. Однако никаких найманских памятников до сих пор не обнаружено, а сама версия не менее убедительно опровергается рядом ученых, считающих, что найманы были племенем не монгольского, а тюркского происхождения [Бобровников, 1849, с. V; Howorth, 1874, с. 693—694; Poucha, 1956, с. 59]. По мнению Л. Лигети, «найманы во времена Чингис-хана говорили еще и на своем прежнем, тюркском, языке», а «в „Сокровенном сказании“ монголов найманские топонимические названия и личные

имена большей частью тюркского происхождения» [Лигети, 1955, с. 136].

Вопросом о происхождении найманов специально занимался также С. Мураяма. Исследуя этимологию собственных имен и титулов найманов, сохранившихся в «Сокровенном сказании» и у Рашид ад-Дина, японский ученый приходит к заключению, что найманы говорили не на монгольском, а на тюркском наречии [Miyayama, 1959, с. 188—198]. Согласно «Юань ши» («История династии Юань»), Та-та-тонга был реальным историческим лицом, жившим на рубеже XII—XIII вв. На этом основании С. Мураяма делает вывод, что Та-та-тонга знал монгольский язык и письменность, которым и обучал, попав в плен, детей Чингис-хана. Но с этим языком, как считает ученый, первыми познакомились не найманы, а скорее всего керейты [Miyayama, 1959, с. 197—198].

Керейтской гипотезы склонен был придерживаться и Б. Я. Владимирцов [Владимирцов, 1932, с. 6—7]. Как известно, керейты задолго до Чингис-хана приняли христианство несторианского толка, длительное время находились в культурных отношениях с уйгурами и другими народами Туркестана и Семиречья и были на более высокой ступени общественного развития, чем другие монгольские племена. Фактом является и то, что «Чингис-хан при организации и внутреннем устройстве своей империи часто брал примеры у керейтов» [Лигети, 1955, с. 136]. Однако и керейтская версия не вносит ясности в проблему истоков монгольского письменного языка, тем более что и об этническом происхождении этих племен также существуют разные мнения: одни считают их монголами [Владимирцов, 1929, с. 19], другие — тюрками [Аристов, 1896].

В последнее время появилась еще одна, третья версия, связывающая происхождение письменного монгольского языка с киданями [Лигети, 1955, с. 138; Викторова, 1961, с. 137—155; Викторова, 1980, с. 139—155].

Первые достоверные сведения о киданях китайская династийная хроника «Вэй шу» («История династии Северная Вэй») относит к эре правления Дэн-го (386—395), т. е. концу IV в. [Е Лун-ли, 1979, с. 16]. Киданьские глоссы, сохранившиеся в китайских источниках, свидетельствуют о том, что киданьский язык безусловно относится к монгольским языкам» [Лигети, 1955, с. 138] и что он «по сравнению с монгольским языком XIII—XIV вв. обнаруживает более древние черты (вместо *h* в начале слова еще имеется *n*)» [Кара, 1972, с. 9—10].

У киданей было две разновидности собственной системы письма и богатая оригинальная и переводная литература [Рудов, 1963, с. 90; Рудов, 1961, с. 169—170]. «Большое письмо» было изобретено на основе китайской иероглифической письменности для обозначения родов и имен военачальников, а идея создания всеупотребительного «малого письма», вероятно, была заимствована у уйгуров. Во всяком случае, его создатель

Тела (Дела) был знаком с уйгурским алфавитом [Қара, 1972, с. 10]. К сожалению, до нас не дошло почти ни одного литературного произведения киданьских писателей, если не считать эпиграфики, да и само киданьское письмо было забыто.

В конце прошлого столетия А. М. Позднеев случайно обнаружил на развалинах бывшего киданьского города Цинчжоу несколько фрагментов, оказавшихся текстами на киданьском письме. Однако этому открытию не придали должного значения.

В 1920 г. недалеко от этих развалин П. Пельо обнаружил подземные мавзолеи киданьских правителей с сохранившимися стелами с надписями на киданьском и китайском языках, представляющими собой эпитафии императорам и императрицам. В 1949 г. в провинции Ляонин китайскими археологами были найдены куски каменных плит с текстом на киданьском языке.

Первый этап дешифровки киданьского письма, проведенный советскими учеными, пока не дал определенных результатов, подтвердив лишь агглютинативный характер киданьского языка [Стариков, 1968, с. 148—151; Материалы, 1970; Таскин, 1963, с. 127—147]. Однако по отдельным киданьским словам, сохранившимся в китайской транскрипции, и по ряду историко-этнографических данных некоторые ученые устанавливают принадлежность киданьского языка к алтайской группе и его родство с монгольским языком [Лигети, 1955, с. 138; Қара, 1972, с. 10; Викторова, 1980, с. 139—155].

Если признать киданей монголоязычным народом, то в таком случае это был один из первых монгольских народов, создавших свою письменность.

Сторонники киданьской гипотезы считают, что «в основу монгольского литературного языка лег язык семиреченских киданей (кара-кытаев), к которому была приспособлена уйгурская письменность, распространенная ранее среди ряда племен Средней Азии и Восточного Туркестана» [Викторова, 1961, с. 155].

Что же касается найманского «канцлера», обучавшего детей Чингис-хана монгольскому языку, зафиксированному уйгурской письменностью, то и в данном случае предполагается, что, будучи чиновником при дворе, Та-та-тонга знал этот язык, которому и обучил окружение Чингис-хана, после того как был взят в плен [Викторова, 1961, с. 153].

Так обстоит дело с версиями о происхождении монгольской письменности и монгольского письменного литературного языка, причем ни одна из них до сих пор не получила достаточно обоснованного фактами подтверждения.

Высказываются также разные точки зрения и о периодах и истории развития старописьменного монгольского языка.

Впервые периодизация старописьменного монгольского языка с подразделением на три периода и с характеристикой фоне-

тических, грамматических и лексических особенностей каждого из периодов была предложена Б. Я. Владимирцовым.

Первый — древний период начинается от неизвестного нам времени и продолжается до начала XIV в.

Второй — средний период продолжается от начала XIV до второй половины XVI в.

Третий — классический период начался с конца XVI — начала XVII в.¹ и продолжается в XX в. [Владимирцов, 1921, с. 41—53; Владимирцов, 1929, с. 20—24, 33, 73—78, 118—120].

Такой же периодизации придерживается и Г. Д. Санжеев [Санжеев, 1953, с. 15—16; Санжеев, 1960, с. 9—10].

Несколько иную классификацию дает Л. Лигети, справедливо считающий, что «возникновение монгольского языка ... нельзя связывать с выступлением на историческую арену Чингис-хана». Как пишет автор, «не подлежит сомнению, что отрезок жизни и развития монгольского языка с момента его обособления от прочих родственных языков до столетий, предшествующих XIII в., охватывает огромный период» [Лигети, 1955, с. 136—137]. Поэтому первый период, самый древний в истории монгольского языка, о котором имеются лишь гипотетические данные, он условно называет «протомонгольским»

Вторым периодом Л. Лигети считает тот, «который непосредственно предшествовал периоду, засвидетельствованному уже в наших древнейших письменных памятниках XIII в.». Этот период он называет «древнемонгольским».

Третий — «среднемонгольский» период Л. Лигети частично совпадает с тем, который в классификации Б. Я. Владимирцова считается первым [Лигети, 1955, с. 136].

Нет единого мнения относительно периодизации истории монгольского письменного языка и среди монгольских лингвистов. А. Лувсандэндэв, например, подразделяет развитие монгольского языка на три периода.

Первый — древний период, по его классификации, продолжается с незапамятных времен приблизительно до начала XIII в.²

Второй — средний период продолжается с начала XIII в. и до середины XVII в. Этот период монгольский ученый, в свою очередь, подразделяет на два этапа: первый длился до начала XIV в., а второй — с начала XIV до середины XVII в.

Третий период начался с середины XVII в. и продолжается сейчас. Этот период, как и второй, имеет два этапа: первый —

¹ Начало третьего периода Б. Я. Владимирцов выделяет в особый, переходный период, когда существовало смешанное уйгуро-монгольское письмо [Владимирцов, 1929, с. 33].

² Позже А. Лувсандэндэв несколько изменил свою точку зрения: первый — древний период с неизвестного времени продолжается уже не до начала XIII в., а только до V в. н. э. Соответственно первый этап второго периода, начавшись примерно с V в., продолжается до начала XIV в. [Лувсандэндэв, 1977, с. 11].

с середины XVII в. и до 40-х годов XX в., а второй — после 40-х годов [Лувсандэндэв, 1972, с. 19—21].

Д. Томортого выделяет четыре периода.

Первый — протомонгольский период, т. е. тот, о котором, по словам Л. Лигети, «у нас имеются лишь очень смутные догадки».

Второй — древнемонгольский, охватывает промежуток времени с конца «протомонгольского» периода до XI—XII вв.

Третий — среднемонгольский период, начинается приблизительно в XI—XII вв. и продолжается до XVI—XVII вв.

Четвертый — современный период, берет начало в XVI—XVII вв. и является прямым результатом развития среднемонгольского языка [Томортого, 1972, с. 47—57].

Конечно, монгольский язык или диалект, легший в основу письменного монгольского языка, существовал задолго до того, как он был зафиксирован в памятниках на уйгурском письме. Затем на протяжении нескольких веков этот язык, а до недавнего времени и письменность развивались и изменялись. «Письменный монгольский язык,— писал Б. Я. Владимирцов,— отнюдь не является чем-то раз навсегда установившимся; он знает несколько ступеней развития и в том виде, в каком его представляют наши грамматики, установился сравнительно недавно» [Владимирцов, 1921, с. 41—42].

Предложенная Б. Я. Владимирцовым периодизация развития монгольского литературного языка, а также данная им лингвистическая и историческая характеристика каждого из трех периодов в общем остается верной и сейчас.

Язык древнего периода, вероятно, возник «на почве какого-то очень древнего диалекта, который выявляет древнюю стадию развития монгольского языка» [Владимирцов, 1929, с. 20]. Возможно, это был язык предков киданей. Уже до того как он был воспринят окружением Чингис-хана, это был сложившийся письменный язык, отличающийся от живого разговорного языка монголов. Язык этот использовался главным образом для нужд административно-государственного аппарата. Одним из важнейших источников для описания языка рассматриваемого периода является транслитерация старописьменных монгольских текстов.

В результате исследования древних текстов удалось восстановить систему вокализма этого периода, которая состояла из восьми гласных звуков, образующих два сингармонических ряда:

1) гласные заднего ряда: *a, o, u, i*;

2) гласные переднего ряда: *ä, ö, ü, i* [Владимирцов, 1929, с. 118]³.

Для языка первого периода были характерны еще начальный *p > f*, *h* и интервокальные согласные *-γ-* [*-g-*], *-b-*, а иногда

³ Предположение о том, что в древнем монгольском языке существовал гласный *i* задней артикуляции, было высказано Г. И. Рамstedтом [Рамstedт, 1908, с. 52]. См. также [Биткеев, 1973, с. 110—117].

-у-. К этому времени (VII—XII вв.) относятся и два первых перелома гласного *i* [Санжеев, 1953, с. 19, 24, 109].

Язык второго — среднемонгольского периода (начало XIV—конец XVI в.), который отличался от разговорного и функционировал первоначально как деловой язык в сфере государственного аппарата, стал также языком эпоса и исторических сочинений, а к концу XVI в. широко использовался тибетскими и уйгурскими монахами для перевода буддийских сочинений. Благодаря этим переводам в монгольский язык проникло значительное количество заимствованных слов уйгурского, иранского, арабского и даже греческого происхождения. В письменный язык начинают входить слова из живых народных говоров.

В среднемонгольский период исчез заднеязычный *i*, который существовал в монгольском языке сравнительно недолго, по-видимому не позже середины XIII в., так как еще в очень раннюю эпоху, по мнению Б. Я. Владимирцова, произошло сближение двух фонем [i] и [i], выразившееся в том, что *i* перестал отличаться от *i* и вместо этих двух гласных остался только один *i*, хотя в монгольском письме по традиции некоторое различие между *i* и *i* сохранялось вплоть до конца XVI в. [Владимирцов, 1929, с. 120]. В диалектах еще сохраняется начальный щелевой $p > f, h$, характерный для большинства живых монгольских диалектов XIII—XIV вв. Согласный γ (*g*) в интервокальной позиции заменяется глухим щелевым *h*, исчезновение которого привело впоследствии к образованию долгих гласных. Процесс этот завершился во второй половине XIV — начале XV в. Появляются дифтонги (в XIII в. их еще не было). Около XIV—XV вв. происходит третий перелом гласного *i* [Санжеев, 1953, с. 26, 81, 109], усиливается прогрессивная и регрессивная ассимиляция гласных, например: *oron* < *oran*, *örgön* < *örgeṅ*, *tögüs* < *teḡüs*.

С конца XVI — начала XVII в. начинается третий, «классический» период в развитии письменного монгольского языка.

Этот период характеризуется существенными изменениями как в самом языке, так и в письме. Из языка исчезают ставшие непонятными слова и ряд грамматических форм, которые заменяются новыми. Так, например, глагольная форма на *-t*, неоднократно встречающаяся в тексте «Сокровенного сказания» и зарегистрированная в памятниках квадратной письменности, к XVII в., по-видимому, вышла из употребления. Автору летописи XVII в. «Алтан тобчи» Лувсан Данзану она была уже чужда, и поэтому все параллельные с «Сокровенным сказанием» места хроники, в которых использовалась глагольная форма на *-t*, опускались или форма на *-t* заменялась другими изъявительными, причастными или деепричастными формами (*-m*, *-müi*, *-qun*, *-n*)⁴.

Как известно, текст «Алтан тобчи» содержит пересказ боль-

⁴ Ср., например: «Сокровенное сказание», § 21, 64, 153, 173, 174, и «Алтан тобчи», с. 12, 115, 135, 136.

шинства параграфов «Сокровенного сказания». Но нередко перед словами, употребляемыми в «Сокровенном сказании», в «Алтан тобчи» стоят поясняющие их глоссы, что свидетельствует о непонятности или малоупотребительности этих слов к XVII в., например *negüdel* перед *negüri* 'кочевье', *boᠭoni* перед *abid* 'короткий' и т. д.

С конца XVI в. происходят большие изменения и в уйгуро-монгольском алфавите, которым пользовались монголы. Изменились начертания некоторых букв, усовершенствовалась система диакритических знаков, алфавит пополнился буквами, специально созданными в 1587 г. для транскрибирования иноязычных слов, главным образом индийских и тибетских [Владимирцов, 1929, с. 73—78].

В результате всех этих процессов образовался язык, который называется «классическим письменным языком монголов» [Владимирцов, 1929, с. 24].

В конце XVII — начале XVIII в. на этом языке интенсивно велось книгопечатание ксилографическим способом, переиздавались старые сочинения, составлялись словари и грамматики, способствующие нормированию языка и письменности.

Существенным является и то, что с конца XVI в. старописьменный монгольский язык становится средством письменного общения только собственно монголов на территории Халхи (ныне МНР) и Внутренней Монголии, так как к началу XVII в. завершился исторический процесс консолидации ойратских и бурятских племен в самостоятельные народности, т. е. в этот период монгольские диалекты создали основу для образования самостоятельных монгольских языков, письменный же язык продолжает развиваться под влиянием единственно халхаского диалекта.

В XX в. начинается четвертый, современный период в развитии монгольского языка. В этот период происходят значительные изменения не только в лексическом составе, но и в грамматической структуре языка и письменности.

Характер изменений в лексике существенно отличается от тех, что происходили на протяжении всех предшествующих веков.

С XVI до XX в. обогащение лексики шло главным образом путем заимствований из уйгурского, тибетского, китайского и ряда других языков. Объем иноязычной лексики возрос в связи с распространением в Монголии буддийской религии и культуры, а также с развитием торговли и экономических отношений с народами Востока. В результате в монгольскую лексику проникло значительное количество тюркизмов, например: *аяга* 'чаша', *таvig* 'жертва', 'жертвоприношение', *хөрөг* 'изображение', 'портрет', *жимс* 'ягоды', 'фрукты' и т. д.; арабизмов, например: *цув* 'плащ', 'накидка', *архи* 'вино', 'водка'; слов иранского (*болд* 'сталь', *дарь* 'порох', *булигаар* 'юфть', *саарь* 'выделанная кожа мелких животных'), санскритского (*рашаан/аршаан* 'це-

лебный источник', 'минеральная вода', *дагинь* 'богиня', *очир* 'жезл', 'знак отличия'), согдийского (*чавганц* 'женщина, давшая монашеский обет', 'старуха'), греческого (*ном* 'книга', 'учение', *шижир* 'чистое золото') происхождения. Поток религиозной, философской и дидактической литературы, переведенной в XVI—XVII вв. на монгольский язык с тибетского, принёс в монгольскую лексику большое количество слов тибетского происхождения, например: *гэлэн* 'монах', *лавир* 'балдахин', 'полог', *лам* 'лама', 'монах', *бимба* 'надгробный камень', *дуган* 'храм' и т. п.

Тесные торговые и экономические связи с Китаем оставили в монгольской лексике такие слова, как *цалин*[г] 'жалованье', 'зарплата', *пүүс* 'торговая фирма', *дян* 'гостиница', *жин*[г] 'весы', *давуу* 'хлопчатобумажная ткань' и др.

Займствования в XX в., особенно в послереволюционный период, носят иной характер. В основном это русизмы и слова интернациональной лексики, проникшие в монгольский язык через посредство русского. Эта заимствованная лексика относится к области общественно-политической, технической и культурной терминологии. Займствования, а также неологизмы, образованные по собственному монгольским словообразовательным моделям, отражают те огромные изменения, которые произошли в жизни монгольского народа в связи с развитием сельского хозяйства, промышленности, техники, науки, с созданием новой революционной культуры, например: *марксизм-ленинизм* 'марксизм-ленинизм', *коммунизм* 'коммунизм', *комбайн* 'комбайн', *машин* 'машина', *радио* 'радио', *театр* 'театр', *хамтрал* 'колхоз', *сангийн аж ахуй* 'госхоз' и др.

Многие займствования служат основой дальнейшего словопроизводства по монгольским словообразовательным моделям, например: от основы *механик* 'механика', 'механический' образованы следующие слова: механик + ч = *механикч* 'механик', механик + ж + их = *механикжих* 'обзаводиться машинами', механик + ж + уул + (а)лт = *механикжуулалт* 'механизация'; от основы *автомат* 'автомат', 'автоматический' образованы автомат + ч = *автоматч* 'автоматчик', автомат + ч(и) + л + ах = *автоматчилах* 'автоматизировать (ся)', автомат + ж + уул + ах = *автоматжуулах* 'автоматизировать', автомат + ж + уул + (а)лт = *автоматжуулалт* 'автоматизация'.

В связи с бурным политико-экономическим и культурным развитием МНР в монгольском языке появились слова и термины, образованные от существующих корней или получившие новые значения, например: *уралдаан* 'состязание', 'соревнование', *эх оронч үзэл* 'патриотизм', *үндсэн хууль* 'конституция', *албан ёсны мэдээ* 'коммунике', *Нэгдсэн Үндэстний Байгууллага* 'Организация Объединенных Наций', *радио хүлээн авагч* 'радиоприемник' и др.

На базе собственно монгольской лексики или с использованием в качестве одного из компонентов заимствованного слова

образованы многие термины, отражающие техническое развитие в стране и за рубежом, например: *ус техник* 'гидротехнический', *усан цахилгаан станци* 'гидроэлектростанция', *сансрын нисэгч* 'космонавт', *огторгуйн хөлөг онгоц* 'космический корабль', *дэлхийн дагуул* 'спутник Земли', *цөмийн физик* 'ядерная физика', *ус төрөгч бөмбөг* 'водородная бомба'.

Изменения в морфологии и синтаксисе в отличие от лексики происходят медленнее и на протяжении более длительного отрезка времени, тем не менее такие изменения в современном монгольском языке наблюдаются. Так, например, из письменного языка исчезли или стали редко употребляться некоторые старые морфологические формы: форма так называемого цитатного или приглагольного деепричастия на *-гун*; форма целевого деепричастия на *-га*; глагольная форма на *-уи*; практически в единственной словоформе сохранился двойной дательноместно-исходный падеж (*гэртээс* 'из дома'), широко употреблявшийся в памятниках монгольской письменности XVII в.; изменилось значение и употребление широко распространенного в классическом монгольском языке местного падежа на *-а/-е*; почти исчез из языка соединительный падеж на *-лиγ-а*, вытесненный формой совместного падежа на *-тай*; появились новые падежные и глагольные формы: направительный падеж на *-руу/-рүү*, форма заменного деепричастия на *-нгаа*, попутного на *-нгуут*, последовательного на *-хлаар*, неизвестные классическому монгольскому языку.

Несомненно, под влиянием русского языка появились уменьшительно-ласкательные формы с суффиксом *-хан* от имен существительных, например: *хотхон* [Б. Б., с. 8; ОМТ, с. 155] 'небольшой город, городок'; *уулхан* [МЭ, с. 6] 'небольшая горка, горочка'; *чонхон* [СУЗ, с. 3] 'небольшой волк, волчок' (но: 'волчонок' — *бэлтрэг* или *чонын гөлөг*), тогда как прежде *-хан* употреблялся преимущественно с именами прилагательными, местоимениями, числительными.

Во многом отличается от «классического» и употребление форм множественного числа [Орловская, 1974, с. 207—218].

В современном монгольском языке происходит грамматикализация служебного глагола-связки *агсан* и полное превращение его в морфему *-сан*, подчиняющуюся гармонии гласных и, как правило, пишущуюся слитно с соответствующим словом, например: *хүүсэн* < *хүү агсан* 'был мальчик', *сайхансан* < *сайхан агсан* 'было прекрасно', *үгүйсэн бол...* < *үгүй агсан бол...* 'если бы не было'.

Отмечается грамматикализация аналитических конструкций со служебным глаголом: *явжайна* < *явж байна* 'идет, едет' [Бертагаев, 1969, с. 68].

Широкое проникновение в литературный язык получают разговорные формы с нарушением литературных канонов, как, например, опущение глагольных связок не только при причастных, но и при деепричастных формах, заканчивающих предло-

жение: *Бороо асгаран орсоор л* [УЗУ. 21.03.1980] 'Дождь продолжал лить'; более свободный порядок слов: *Би бас мэднээ чамайг* [УЗУ. 30.04.1980] 'Я тоже знаю тебя'.

Конечно, эти и подобные им изменения появляются прежде всего в разговорной речи и лишь впоследствии, попадая в литературный язык, фиксируются в письме.

Изменению подвергалась и монгольская письменность. Постановление правительства МНР о переходе с 1945 г. на новую письменность на основе русской графики дало возможность приблизить литературный язык к разговорному и открыло путь более широкому проникновению в литературный язык элементов народной речи. Возникающие в живой речи грамматические формы нередко становятся достоянием литературного языка.

Сокращения источников

- Б.Б.** — *Бааст Б.* Баян Өлгий. Улаанбаатар, 1951.
МЭ — Монголын эмэгтэйчүүд (журн.). 1967, № 4.
ОМТ — Орос монгол толь. 1-р боть. Улаанбаатар, 1967.
СУЗ — Соёл утга зохиол (газ.). 28.11.1962.
УЗУ — Утга зохиол урлаг (газ.).
- Аристов, 1896.— *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности.— Живая старина. СПб., 1896. Вып. 3—4.
- Бертагаев, 1969.— *Бертагаев Т. А.* Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969.
- Биткеев, 1973.— *Биткеев П. Ц.* Твердоярдыный гласный *і* в монгольском языке Тувы.— Уч. зап. Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Серия филологии. Вып. 11. Элиста, 1973.
- Бобровников, 1849.— *Бобровников Ал.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
- Викторова, 1961.— *Викторова Л. Л.* К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII—XIII вв.).— Языки народов Востока. Л., 1961.
- Викторова, 1980.— *Викторова Л. Л.* Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
- Владимирцов, 1921.— *Владимирцов Б. Я.* Монгольский сборник рассказов из *Рагсатантра*.— Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Т. 5. Пг., 1921.
- Владимирцов, 1929.— *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.
- Владимирцов, 1932.— *Владимирцов Б. Я.* Монгольские литературные языки.— ЗИВАН. 1932, вып. 1.
- Е Лун-ли, 1979.— *Е Лун-ли.* История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введ., коммент. и прил. В. С. Таскина. М., 1979 (Памятники письменности Востока, XXXV).
- Кара, 1972.— *Кара Д.* Книги монгольских кочевников. М., 1972.
- Лигети, 1955.— *Лигети Л.* [Рец. на:] *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М., 1953.— ВЯ. 1955, № 5.
- Лувсандэндэв, 1972.— *Лувсандэндэв А.* К вопросу о периодизации монгольского литературного языка.— Хэл зохиол судлал. 11-р боть, 1—21-р дэвтэр. Улаанбаатар, 1972.
- Лувсандэндэв, 1977.— *Лувсандэндэв А.* Формирование монгольского нацио-

- нального литературного языка.—Олон улсын монголч эрдэмтний III Их хурал. 2-р боть. Улаанбаатар, 1977.
- Материалы, 1970.—Материалы по дешифровке киданьского письма. Кн. 1. М., 1970.
- Орловская, 1974.—*Орловская М. Н.* Употребление множественного числа в языке «Алтан тобчи».—Исследования по восточной филологии. М., 1974.
- Позднеев, 1897.—*Позднеев А. М.* Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского университета: А. М. Позднеевым в 1895/96 акад. году. СПб., 1897.
- Рамстедт, 1908.—*Рамстедт Г. И.* Сравнительная фонетика монгольского письменного языка халхаско-ургинского говора. СПб., 1908.
- Рудов, 1961.—*Рудов Л. Н.* Кидани.—Дальний Восток: Сборник статей по филологии, истории, философии. М., 1961.
- Рудов, 1963.—*Рудов Л. Н.* Проблемы киданьской письменности.—СЭ. 1963, № 1.
- Санжеев, 1953.—*Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М., 1953.
- Санжеев, 1960.—*Санжеев Г. Д.* Современный монгольский язык. М., 1960.
- Стариков, 1968.—*Стариков В. С.* Из истории изучения киданьской художественной литературы.—Страны и народы Востока. Вып. 6. М., 1968.
- Таскин, 1963.—*Таскин В. С.* Опыт дешифровки киданьской письменности.—НАА. 1963, № 1.
- Томортого, 1972.—*Томортого Д.* Монгол хэлний түүхийг ангилал тухай асуудалд.—Хэл зохиол судлал. 11-р боть, 1—21-р дэвтэр. Улаанбаатар. 1972.
- Шастина, 1957.—*Шастина Н. П.* Комментарий.—Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Haenisch, 1948.—*Haenisch E.* Geheime Geschichte der Mongolen. Lpz., 1948.
- Howorth, 1874.—*Howorth H.* History of the Mongols from 9-th to 19-th century. Т. 1. L., 1874.
- Murayama, 1959.—*Murayama S.* Sind die Naiman Türken oder Mongolen?—CAJ. 1959, vol. 4, № 3.
- Poppe, 1951.—*Poppe N.* Khalkha-Mongolische Grammatic. Wiesbaden, 1951.
- Poucha, 1956.—*Poucha P.* Die Geheime Geschichte der Mongolen.—AOr. 1956, suppl. 4.
- Schmidt, 1833.—*Schmidt J.* Bericht über eine Inschrift aus der ältesten Zeit der Mongolen Herrschaft.—Mémoires de l'Académie des sciences de St.-Petersburg. 1833, ser. 4, № 11.